

СОНА СКОФИЛД

ДВОЙНЯ ОТ ДРАКОНА

СТАЛА НЕНУЖНОЙ
ПОСЛЕ ТОГО КАК РОДИЛА
НАСЛЕДНИКОВ

Сона Скофилд

Двойня от дракона. Стала ненужной после того как родила наследников

<https://litres.ru/74535819>

SelfPub; 2026

Аннотация

Через два месяца после рождения двойни муж предложил мне развод. Наследники останутся в его доме, а я смогу навещать их каждый день. Как великодушно.

Я забрала детей и уехала. За четыре года открыла маленькое ателье, научилась считать каждую монету и шить для тех, кому другие портные советовали смириться с неудобствами. Теперь рогатые тарны рекомендуют меня знакомым, помощницы спорят из-за выкроек, а близнецы строят корабельную пристань посреди кухни.

Именно эту жизнь бывший муж решил пересмотреть. Он снова женится. Детские комнаты уже готовы, наставники наняты, для моих посещений выделены часы. Осталось получить мое согласие.

Тем временем в ателье появился другой дракон. Ровану нужна куртка, которая не причиняет боли старой травме. Мне —

перестать ждать подвоха каждый раз, когда он приглашает меня на прогулку.

Я уже сумела уйти от человека, которому стала ненужной. Теперь предстоит защитить дом моих детей — и позволить себе захотеть большего, чем просто справляться.

Содержание

Пролог. После рождения наследников	5
Глава 1. Письмо из прежнего дома	17
Глава 2. По вашей мерке	41
Глава 3. Цена большого заказа	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Сона Скофилд

Двойня от дракона. Стала ненужной после того как родила наследников

Пролог. После рождения наследников

Я застегнула третью пуговицу ночной рубашки не в ту петлю и заметила это, только когда Ясна протянула мне платье.
— Давайте я подержу, — сказала она.

Аста спала у меня на плече, уткнувшись носом в ворот. Спала она пока легко, с недовольной складкой между бровями, и я боялась пошевелиться. За последние полчаса я дважды перекладывала ее в колыбель и оба раза снова брала на руки. Нильс наконец уснул. Если бы сестра разбудила его, все пришлось бы начинать сначала.

— Позже переоденусь.

— Вас ждут в малой гостиной.

— Я помню.

Ордан вернулся накануне поздно. Я слышала внизу голоса и даже встала, но потом Нильс заплакал, а муж к нам не

поднялся. Утром он прислал узнать, смогу ли я спуститься к одиннадцати. Я попросила передать, что смогу, если дети позволяют.

Они, кажется, позволили.

Ясна осторожно сняла с моего плеча дочь. Маленькая ладонь разжалась, выпустив прядь волос. Я подождала, пока Аста устроится у нее на руках, и принялась исправлять застежку.

— Вы ели? — спросила Ясна.

— Съела булку.

Она посмотрела на поднос. Булка лежала там, разломленная пополам. На одной половине успело подсохнуть масло.

— Значит, собиралась.

— Я велю принести вам что-нибудь в гостиную.

— Не надо. Мы быстро.

Мне хотелось верить, что быстро. Хотелось попросить Ордана побыть с нами хотя бы вечером, без гостей и счетов, без его матери, которая неизменно принималась объяснять, почему Аста плачет у меня чаще, чем у нее. При Велисе дочь обычно просто спала.

На столе возле окна лежала распоротая детская распашонка. Жесткий припуск на шве натирал Нильсу шею. Ее сшили из хорошего полотна, украсили крошечным семейным знаком, а внутреннюю строчку стянули так, что ткань собралась грубой полоской. Я собиралась переделать шов еще вчера.

Ясна проследила за моим взглядом.

— Успеете.

Я кивнула и взяла платье. До родов оно было мне свободно в груди. Теперь пришлось оставить верхнюю застежку открытой и прикрыть ее косынкой.

В коридоре я задержалась у зеркала. Под глазами залегли тени, на виске выбилась короткая прядь. Мне было двадцать девять, но тем утром я выглядела старше. Я пригладила волосы влажными пальцами. Потом перестала: муж видел меня и с распущенными волосами, и больной, и совсем без платья. Когда-то я не готовилась к встрече с ним, как к приему чужого человека.

Из детской донесся тихий голос Ясны. Она что-то рассказывала Асте, хотя та, судя по отсутствию возражений, снова уснула.

Я спустилась.

Ордан стоял у окна. Он успел переодеться после дороги: темный жилет сидел без единой складки, на манжетах поблескивали маленькие плоские застежки. Я сама выбирала их ему прошлой весной. Тогда он сказал, что мне лучше известно, что ему идет.

На столе были чайник, две чашки и закрытая папка.

Я обрадовалась второй чашке. Нелепая радость, но я уже несколько недель пила остывший чай возле колыбелей, и возможность сесть с мужем за стол показалась мне почти отдыхом.

— Как доехал?

— Хорошо. На северной дороге уже сухо.

Он коснулся губами моей щеки. Я успела почувствовать знакомый запах мыла и подумать, что скучала по нему сильнее, чем разрешала себе признавать.

— Садись, Севрина.

— У меня, наверное, минут двадцать. Аста спит, но если проснется...

— Ясна с ней?

— Да.

— Значит, ничего не случится.

Я села. Он налил мне чай, подвинул блюдо с лимоном, потом устроился напротив. Из-за этих привычных жестов я не сразу заметила, как старательно он избегал смотреть на мою косынку, на руки, на лицо. Он смотрел чуть ниже, на край стола.

— Лекарь был во вторник? — спросил он.

— Был. Сказал, что Нильс хорошо прибавляет. Аста тоже, только поменьше.

— Но опасений нет?

— Нет.

— И ты восстановилась?

Я опустила чашку.

— Еще не совсем. Он сказал, нужно больше спать. Я хотела поговорить об этом. Если бы ты иногда приходил вечером...

— У нас достаточно людей.

— Дело не только в людях. Мне хочется, чтобы ты их видел.

— Я видел их перед отъездом.

— Они меняются каждый день.

Ордан едва заметно вздохнул. Так он вздыхал, когда я рассказывала что-нибудь долго, а он уже понял, к чему ведет разговор.

— Севрина, нам нужно обсудить дальнейшее устройство дома.

Я ждала продолжения. Возможно, он хотел взять еще одну помощницу. Я бы согласилась. Раньше мне казалось, что просить об этом стыдно: у других женщин получалось справляться, а я к обеду иногда забывала, какой сегодня день.

Он положил ладонь на папку.

— Я думаю, нам следует закончить наш брак.

Сначала я услышала слова, но не смогла связать их с собой. Посмотрела на папку, потом на него. Ордан не торопился.

— Что значит — закончить?

— Оформить развод. Спокойно, без лишнего обсуждения.

Я все еще держала чашку. Горячий фарфор обжигал пальцы, но я не поставила ее, пока он не протянул руку и не указал на блюдце.

— Осторожнее.

Мне захотелось спросить, не случилось ли что-то в дороге.

Может быть, он услышал обо мне ложь. Может быть, кто-то сказал ему, что дети не его. Но это было бы настолько нелепо, что я не сумела произнести вопрос.

— Почему?

Он откинулся на спинку кресла.

— Мы очень по-разному представляем себе жизнь.

— Со вчерашнего дня?

— Давно.

— Насколько давно?

— Не нужно сейчас искать точную дату.

— Нужно. Еще три месяца назад ты держал меня за руку и говорил, что скоро нас станет четверо.

— И нас стало четверо. Я признаю детей, Севрина. Это вообще не обсуждается.

Я посмотрела на его руку. На ней было кольцо. Простое, широкое, с небольшой царапиной возле края. Царапину он получил в первую зиму нашего брака, когда решил сам открыть заевший замок на сундуке. Я тогда смеялась, а он говорил, что не станет звать слугу из-за такой мелочи.

— Я не спрашивала, признаешь ли ты детей.

— Я хочу сразу исключить ненужные опасения.

— Тогда объясни нужные.

Он сжал губы. Мой тон ему не понравился, и я по привычке едва не извинилась.

— Тебе тяжело здесь, — сказал он. — Тебя утомляют приемы, ты не хочешь принимать участие в делах дома. Теперь

все твоё внимание занято детьми. Это естественно, но...

— Им два месяца.

— Я знаю их возраст.

— Не уверена, что понимаешь.

— Не перебивай меня.

Я замолчала. В тишине стало слышно, как за дверью горничная переставила что-то на подносе. Ордан дождался, пока шаги удалятся.

— Я обеспечу тебе содержание. Комнаты в боковом флигеле можно переделать под тебя. Там будет отдельная гостиная, спальня. Собственный вход, если пожелаешь.

— А дети?

— Останутся в главном доме. Здесь все подготовлено. Ясна продолжит работать, наймем вторую женщину. Ты сможешь приходить.

— Приходить.

— Разумеется, каждый день. Я не намерен разлучать тебя с ними.

Я отодвинула блюдце. Оно тихо скользнуло по скатерти.

— Ты предлагаешь мне ходить в гости к собственным детям?

— Не искажай.

— Как ещё это назвать?

— Ты их мать. Этого никто у тебя не отнимает.

Он говорил терпеливо, почти мягко. Мне становилось всё труднее слушать эту мягкость.

— А твоей женой я больше не нужна?

Впервые за все утро Ордан посмотрел прямо на меня.

— Наш брак дал семье то, что должен был дать. У меня есть сын и дочь. Их положение будет защищено. Я хочу, чтобы и ты была защищена.

Я моргнула. Слезы мешали видеть, и от этого было особенно стыдно: он сидел собранный, с готовыми условиями, а я даже лицо не могла удержать спокойным.

— Ты дождался, пока лекарь скажет, что с ними все хорошо?

— Я не собирался обсуждать это сразу после родов.

— Как предусмотрительно.

— Севрина.

Он произнес мое имя предупреждающе.

Я вспомнила, как после родов он впервые взял Нильса. Смотрел на маленькое сморщенное лицо с таким удивлением, что я, едва способная повернуть голову, улыбнулась. Потом Ясна поднесла ему Асту, и он поцеловал меня в лоб.

Я считала этот поцелуй благодарностью, нежностью, началом чего-то общего. Теперь мне пришлось сидеть перед ним и выяснять, что именно он тогда имел в виду.

— У тебя другая женщина?

— Нет.

— Ты собираешься жениться?

— Сейчас ни с кем ничего не оговорено.

— Но сможешь оговорить, когда я перееду во флигель.

Он не ответил.

Этого молчания оказалось достаточно.

Я вытерла щеку ладонью. Платок лежал в кармане, но достать его казалось слишком сложным действием. На пальцах остался запах детского мыла.

— А если я не захочу оставаться здесь?

— Тебе будет удобнее рядом с детьми.

— Я спросила о другом.

— И куда ты намерена ехать?

— В свой дом.

— В Нижний Ряд? С двумя младенцами?

Я сама пока не знала, как там устроиться. Дом стоял закрытым с осени. Нужно было проверить печь, привезти кровати, договориться о еде. Я представляла эти задачи одну за другой и от каждой пугалась.

Но еще сильнее я пугалась флигеля, в котором проживу годы, ожидая, когда мне разрешат войти в детскую.

— Дом небольшой, — сказала я. — Но он мой.

— Тебе не придется заботиться о деньгах здесь.

— А о чем придется?

— О детях. Разве это не то, чего ты хочешь?

В коридоре снова слышались шаги. Я повернула голову к двери, надеясь, что это Ясна. Что Аста проснулась и меня позовут. Мне нужна была причина встать, потому что собственное желание уйти почему-то еще казалось недостаточным.

Никто не вошел.

Ордан открыл папку.

— Прочитай условия. Необязательно отвечать сегодня.

Я увидела несколько листов с ровными строками. Внизу последнего были оставлены места для подписей.

— Кто их составил?

— Мой поверенный.

— Он знает, что я их еще не видела?

— Конечно.

— Твоя мать?

Ордан отвел взгляд.

Я встала, придерживаясь за подлокотник. От долгого сидения и волнения закружилась голова.

— Позвать кого-нибудь? — спросил он.

— Нет.

— Ты бледная.

— Я не выпалась.

Он тоже поднялся, но не подошел.

— Возьми бумаги. Я действительно не хочу, чтобы ты боялась за будущее.

Я взяла папку. Пальцы наконец перестали дрожать, потому что было за что держаться.

— Я прочитаю их с человеком, который будет отвечать на мои вопросы.

— Я готов ответить.

— Я поняла.

На лестнице я остановилась, чтобы пропустить горничную с чистым бельем. Она поклонилась мне и прижала корзину к бедру. Обычное движение, обычное утро в доме, где уже обсуждали, как переделать для меня комнаты.

В детской пахло молоком и нагретым полотном. Нильс проснулся и лежал тихо, разглядывая собственный кулак. Аста спала. Ясна сидела между колыбелями и штопала чулок.

Она сразу отложила работу.

— Что случилось?

Я положила папку на стол, рядом с распашонкой.

— Ордан хочет развестись.

Ясна не стала ахать. Подошла, взяла меня под локоть и усадила.

— Вы согласились?

— Я пока ничего не подписала.

— Хорошо.

Только это. Без уверений, что муж одумается, без совета потерпеть.

Нильс повернул голову на мой голос и недовольно сморщился. Я взяла его. Он был теплый, тяжелее, чем две недели назад; тонкая складочка на запястье стала глубже. Я погладила ее большим пальцем.

— Мне нужно отправить письмо, — сказала я. — Дарне Весс. Помните женщину, которая разбиралась с завещанием моей тетки?

— Помню.

— Пусть придет сегодня, если сможет.

Ясна подвинула ко мне чернильницу и положила чистый лист. Я устроила сына на сгибе левой руки. Писать так было неудобно, несколько букв вышли неровными.

«Госпожа Весс. Мне нужен совет по условиям развода и проживанию детей. Я ничего не подписала. Прошу приехать ко мне при первой возможности».

Я остановилась перед подписью.

На протяжении трех лет я писала «Севрина Лаэр» легко, не задумываясь. Теперь пришлось выдохнуть, чтобы дописать фамилию.

Я сложила лист и отдала Ясне.

— Передайте посыльному сами, пожалуйста.

Она кивнула.

Пока за ней закрывалась дверь, Аста завозилась в колыбели. Я наклонилась к ней, протянула свободную руку, и дочь обхватила мой палец.

На столе остался недопитый утренний чай. Я дотянулась до булки, отломил кусок и наконец съела.

Глава 1. Письмо из прежнего дома

Нильс явился к завтраку в одном сапоге и с деревянной лодкой под мышкой.

— Второй где? — спросила я.

— Он не нужен.

— Для чего?

— Для плавания.

Я посмотрела на мокрый след, который тянулся от двери до его стула. За дверью стояла Аста. Она держала второй сапог двумя пальцами, стараясь отвести его как можно дальше от своего платья.

— Он налил туда, — сообщила она.

— Вижу. Нильс, где ты взял воду?

Сын покосился на умывальник. На столике рядом с ним не было кувшина.

До первой примерки оставалось сорок минут. У меня еще не были причесаны дети, не разобрано вчерашнее белье и не проверена новая застежка на камзоле господина Радека. Я поставила кашу на стол и протянула руку.

— Отдай сапог, Аста. Спасибо. Нильс, принеси тряпку.

— Лодка не помещалась в таз.

— Поэтому ты посадил ее в сапог?

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Это причал.

Из коридора вошла Ясна, снимая платок.

— Доброе утро. Сегодня у нас море?

— Пока только лужа, — ответила я. — Кувшин на место верни, пожалуйста. Осторожно, он тяжелый.

Нильс пошел за тряпкой с таким видом, словно взрослые опять ничего не поняли в важном деле. Аста устроилась за столом и потянула к себе миску.

— У меня без комка.

— У всех без комков.

— В прошлый раз был.

— В прошлый раз ты положила в кашу кусок хлеба.

Она немного подумала и решила проверить ложкой.

Ясна наклонилась над сапогом.

— До прогулки не высохнет.

— Наденет башмаки.

— Они жмут, — донеслось из коридора.

— Когда жмут? — спросила я.

Нильс вернулся с тряпкой и присел возле лужи.

— Когда долго.

Я выдохнула. Еще вчера он уверял, что башмаки хорошие, и сердился, когда я проверяла, где находится большой палец.

— После завтрака посмотрим.

Он повозил тряпкой по полу, расширив мокрое пятно. Ясна помогла ему собрать воду. Я поставила себе чашку, отломала хлеб и села так, чтобы Аста не могла незаметно переложить мне свою кашу.

Детям было четыре года и два месяца. Иногда за утро они успевали вырасти из обуви, поссориться навсегда и снова полюбить друг друга. К тому времени, когда я спускалась в мастерскую, мне казалось, что день идет уже очень долго.

— Мама, ты сегодня с нами? — спросила Аста.

— На прогулку — нет. У меня примерки. После обеда читаем.

— Про лису?

— Про корабль! — сразу сказал Нильс.

— Сначала дочитаем про лису. Потом начнем про корабль.

Он хотел возразить, но увидел масло на столе и вспомнил, что хлеб можно намазать самому.

Я любила эти утра, хотя не стала бы возражать против лишнего получаса сна. За окном проехала телега, внизу кто-то поздоровался с соседкой. Из пекарни на углу тянуло теплым тестом. В этой части Кернвейла утро начиналось раньше, чем в Верхнем квартале: лавочники встречали первых покупателей, пока у богатых домов еще спали за закрытыми ставнями. Порт кормил половину нашей улицы. У одного соседа муж ходил в море, другой чинил бочки, сама соседка продавала рыбу и приходила ко мне с рукавами, которым требовалась особенно крепкая строчка. На подоконнике лежали три больших желтых листа, которые Аста принесла накануне, и горсть камешков Нильса. Для листьев и камней у каждого имелась отдельная коробочка. На подоконник они по-

пали в результате переговоров, о которых я пока не знала.

Дом был небольшой. В детской помещались две кровати, стол и шкаф, из-за которого мальчик однажды попытался устроить тайный проход. В моей спальне на комодѣ стояла жестяная коробка с лентами, еще от тетки. Кухня служила нам столовой, местом для разговоров с Ясной и иногда сушильней для сапог.

Зато я могла переставить здесь стул, не объясняя, почему мне неудобно сидеть там, где его поставили до меня.

Я подцепила ложкой остаток каши из своей миски. Нильс уже ел хлеб, держа его двумя руками. На щеке осталась белая полоса молока.

— Подойди-ка ко мне.

— Я сам.

— Тогда вытри щеку. Нет, другую.

Аста протянула ему салфетку. Он взял ее, не глядя, потом вернул с коротким:

— Спасибо.

Я успела улыбнуться, прежде чем дочь заметила, что салфетка теперь грязная.

Спустя полчаса я проверила башмаки, убедилась, что Нильс прав, и внесла сапожника в список дел. Потом расплела Астину косу: дочь решила спать с лентой, и узел пришлось разбирать ногтями.

— Больно?

— Немного.

— Подержи вот здесь.

Она прижала ладонь к голове. Нильс крутился рядом и задавал Ясне вопросы о том, можно ли пройти к набережной через рынок. Ему требовалась настоящая вода. Ясна объясняла, почему деревянную лодку не будут отпускать в гавань.

Я завязала дочери новую ленту и поцеловала ее в висок.

— Готово.

— Ровно?

— Посмотри.

Она побежала к зеркалу, а я спустилась вниз.

В приемной пахло отутюженной шерстью. Брина уже открыла ставни и разложила на столе три свернутых заказа. Летта сметывала подкладку, высунув от усердия кончик языка.

— Ты завтракала? — спросила я.

Ученица подняла голову.

— Да.

Брина молча указала подбородком на завернутую булку возле ее локтя.

Я узнала этот ответ.

— Доешь. Господин Радек придет через десять минут, а нам нужен человек, который не упадет во время примерки.

— Я не падаю.

— Пока. Не начинай.

Летта улыбнулась и отложила работу.

На двери висела дощечка: «Севрина Нерис. Пошив и пе-

ределка». Буквы вырезал муж соседки в обмен на починку двух пальто. Черную краску я обновила сама прошлой весной. Вывеска была скромной, но с улицы читалась хорошо.

Когда я открывала мастерскую, мне казалось, что главное — повесить ее ровно. Я провела над дверью полдня, переставляя гвозди и споря с Ясной, которая смотрела снизу. Потом выяснилось, что гораздо сложнее назвать цену, не снизив ее сразу извиняющимся голосом.

Первые месяцы я переделывала все, что приносили: юбки, рукава, старые куртки, детские штаны с разошедшимися коленями. Шила по вечерам, пока кто-нибудь из детей не просыпался. Не всякая неделя окупала потраченные силы. Приходилось учиться считать время так же внимательно, как ткань.

Брина появилась у меня на втором году. Она посмотрела, как я одновременно принимаю заказ, отвечаю Асте и удерживаю ногой качнувшуюся ширму, и предложила для начала всего три рабочих дня.

Теперь без нее я не представляла ателье.

— Петлю переделала, — сказала она, протягивая мне камзол. — Но если он опять захочет серебряную застежку, объясняй сама. Я в четвертый раз распорю, а в пятый уже укушу.

— На какой стороне?

— На той, куда дотянусь.

Мы переглянулись.

Господин Радек торговал письменными принадлежностями.

ми и счетными книгами. Он был тарном, крепким, широкоплечим мужчиной с короткими рогами, загнутыми назад. Обычно носил темную одежду и жаловался, что приличные портные видят в нем только окружность груди.

На этот раз он заказал камзол для юбилея жены.

— Чтобы не выглядело, будто я пришел проверять накладные, — объяснил он на первой встрече.

Мы выбрали глубокий зеленый цвет и спокойную отделку. Потом он трижды менял мнение о застежках.

Радек пришел вовремя, снял шляпу с прорезями под рога и поставил ее на край стола. Увидев камзол, сразу прищурился.

— Темнее, чем я помню.

— Вы в прошлый раз смотрели на него у открытой двери, — сказала я. — Примерим?

Он прошел за ширму. Оттуда донеслось сопение.

— Слева заело.

— Нижняя застежка сначала. Я предупреждала, что порядок другой.

— Помню я.

Брина отвернулась, пряча улыбку. Летта прижала к губам булку.

Радек вышел и остановился перед зеркалом. Я поправила плечевой шов, отошла на шаг и попросила поднять руки.

Он поднял их чуть-чуть.

— Вы будете обнимать жену так? — спросила я.

Тарн посмотрел на меня через зеркало.

— Смотря как она себя поведет.

— Тогда представьте, что хорошо.

Он поднял руки выше, свел их перед собой. Под мышками ничего не натянулось. Я проверила боковую складку и попросила сесть.

— Карман, — напомнил он.

— Справа внутри. Подальше от застёжек.

Он сунул туда ладонь и удовлетворенно кивнул.

— Коробка поместится.

— Подарок?

— Браслет. Только вы ей не говорите.

— Я с вашей женой встречаюсь реже, чем вы.

— Она иногда заходит на рынок.

Это объясняло все.

Радек долго разглядывал себя. Потом пригладил бороду, повернулся вполоборота и впервые за примерку перестал искать недостатки.

— Вот теперь вижу, — сказал он.

— Что именно?

— Что я к ней иду.

Он произнес это почти недовольно, как будто я застала его за чем-то слишком личным. Я не стала подшучивать.

— Хорошо сидит.

— Не давит, — согласился он. — И плечи на месте.

Пока он переодевался, вошла женщина с маленькой де-

вочкой. У обеих были рога, только у ребенка — еще короткие, едва выступавшие над волосами. Женщина держала в руках готовое платье.

— Мне сказали, здесь могут переделать горловину.

— Покажите.

Девочка спряталась за матерью. На платье были вышиты белые цветы, а застежка сзади оказалась короткой.

— На празднике у сестры все дети будут в одинаковых,
— объяснила женщина. — Остальным подошли. Мы тоже заказали по меркам, только они...

Она замолчала.

— По окружности головы, — закончила я.

— Да.

Радек вышел из-за ширмы, уже переодевшись в старый камзол.

— Здесь сделают, — сообщил он. — У них ателье для чудовищ. Меня вот тоже обслужили.

Девочка выглянула из-за материнской юбки.

— Вы не чудовище.

— Спроси у моей жены, когда она увидит счет.

Женщина рассмеялась. Девочка посмотрела на платье уже не так печально.

Я объяснила, где можно удлинить разрез и как скрыть новую застежку под планкой. Не обещала сделать это за час: работа у нас была расписана. Договорились на следующий день после обеда.

Когда посетители ушли, Летта взяла платье и нахмурилась.

— Там всего немного не хватает.

— Для взрослого, который потерпит, немного, — сказала Брина. — А если за рог зацепится?

— Я понимаю.

— Севрина, глянь на рукав. Шов тоже жесткий.

Я провела пальцами по изнанке. Полотно было хорошим, а припуск оставили толстым.

Четыре года назад я уже держала в руках детскую вещь с таким швом. Только тогда у меня еще не было ни вывески, ни Брины, ни запаса терпения на разговор о чужих застежках. Была распашонка Нильса и папка, лежавшая рядом с ней.

Я положила платье на стол.

— Шов тоже поправим. Запиши в работу.

К полудню мы успели отпустить еще двух клиентов. Один забыл квитанцию, другая нашла у себя дома потерянные пуговицы и теперь хотела вернуть их на пальто. Я уже начала надеяться, что сегодня спокойно пообедаю, когда колокольчик над дверью звякнул снова.

Вошел посыльный в сером форменном пальто. Пальто было дорогим, из плотной шерсти, на воротнике — небольшой знак дома Лаэр.

Я узнала его раньше, чем прочитала имя на конверте.

— Госпоже Севрине Лаэр, — произнес мальчик.

Ему было лет шестнадцать. Он стоял очень прямо и, ка-

жется, гордился поручением.

— Нерис, — поправила я. — Здесь я Нерис.

Он посмотрел на конверт, словно надеялся найти объяснение.

— Велели передать лично.

— Передали.

— И дожидаться ответа.

Брина перестала двигать ножницами. Я почувствовала ее взгляд, но не повернулась.

— Подожди на стуле у двери.

Посыльный сел, положив шапку на колени.

Я унесла письмо в маленькую комнату, где мы хранили рулоны и принимали самые сложные примерки. Закрыла дверь и несколько секунд стояла, держа конверт в руках.

Ордан писал мне редко. Обычно приходили распоряжения от его управляющего: подтверждение очередного платежа, вопрос о необходимых расходах, извещение о посылке. В прошлом году привезли две одинаковые дорогие музыкальные шкатулки. Одну дети разобрали, стараясь узнать, где сидит человек, который играет. Вторая до сих пор стояла у меня в шкафу.

Почерк на конверте был Ордана.

Я поддела ногтем печать.

«Севрина. Считаю необходимым заранее обсудить перемены, касающиеся Нильса и Асты».

Я перечитала первую строку и села.

Он сообщал, что свадьба с Ирсеной Валл назначена на начало поздней осени. После нее состоится прием семей торговых домов, на котором будут представлены наследники. Нильс и Аста уже достаточно взрослые, чтобы участвовать в жизни семьи.

Следующий абзац я прочитала медленнее.

«Для подготовки предлагаю перевезти детей в главный дом на шесть недель. Комнаты приведены в порядок. Найдены подходящие наставники. Разумеется, ты сможешь навещать их и участвовать в необходимых решениях».

К письму прилагался отдельный лист.

На нем было расписание.

Подъем, завтрак, прогулка с воспитателем, занятия речью, отдых, обед. С двух до четырех — часы, в которые разрешалось посещение матери.

Я провела пальцем по этой строке. Потом убрала руку, потому что захотелось смять лист.

Четыре года назад Ордан предлагал мне отдельные комнаты и возможность приходить в детскую. Я думала, что мы это закончили.

Внизу расписания стояла дата предполагаемого переезда — через десять дней.

Ни вопроса о привычках детей, ни просьбы сообщить, удобно ли мне. Даже обувь для Нильса я не могла купить без примерки, а их жизнь на полтора месяца уже разместили в аккуратных строках.

В дверь тихо постучали.

— Севрина? — позвала Бри́на. — Он может еще подождать?

Я открыла.

Она посмотрела на мое лицо, потом на письмо.

— Плохое?

— Ордан хочет, чтобы дети пожилы у него.

— Они хотят?

— Они пока об этом не знают.

Брина ничего не сказала. Я была благодарна ей за это молчание. Если бы она сейчас назвала Ордана тем, как я сама хотела его назвать, сдержаться было бы труднее.

— Я напишу ответ, — сказала я.

За приемным столом лежала чистая бумага для заказов. Я взяла лист, перевернула его, чтобы не видеть сверху название ателье, и села.

Первые слова получились слишком резкими. Я зачеркнула их, скомкала бумагу и взяла другую.

«Ордан. До обсуждения со мной никакой переезд детей не согласован. Предлагаю встретиться в понедельник в два часа в твоей городской конторе. Севрина Нерис».

Я перечитала. Слов было мало, но в них помещалось то, что я могла сейчас сказать, не сорвавшись.

Посыльный вскочил, когда я вышла.

— Передай лично.

— Конечно, госпожа.

— И скажи, что я жду подтверждения времени.

Он кивнул и ушел.

Некоторое время я смотрела на закрытую дверь.

— Обед, — напомнила Брина.

— Да. Сейчас.

— Севрина.

Я повернулась.

— Он письмо прислал. Никто сейчас не пришел увозить детей. Сначала поешь.

Я кивнула. Взяла конверт, сложила в него расписание и заперла в ящике стола.

Наверху пахло картофельным супом. Ясна разливала его по тарелкам, а дети спорили о том, кто первым увидел желтую лодку у пристани.

— Она была большая, — сказал Нильс. — Как наш дом.

— Меньше, — возразила Аста.

— Ты не видела.

— Я видела.

Я села между ними и пододвинула сыну ложку.

— Вы оба видели. Это возможно.

Нильс обдумал такую уступку, но не успел ответить: заметил, что у Асты в тарелке больше моркови.

— Тебе положить? — спросила Ясна.

— Нет. Я проверяю.

Я засмеялась неожиданно даже для себя. Аста посмотрела на меня, улыбнулась и стала есть.

За столом я не говорила о письме. Слушала про рынок, про собаку возле рыбной лавки, про то, как у Ясны развязался шнурок и пришлось искать ступеньку, чтобы поправить его. Время от времени вспоминала строку с часами посещения и чувствовала, как напрягаются плечи.

После супа мы устроились на диване с книгой. Нильс принес деревянную лодку, завернутую в тряпку, и положил себе на колени. Я спросила, зачем.

— Она сохнет.

— На диване?

Он нехотя перенес ее на подоконник.

Аста прижалась ко мне и положила ладонь на страницу.

— Отсюда.

Я прочитала знакомую историю о лисе, которая решила выращивать капусту. Аста знала, где нужно перевернуть лист, и подсказывала мне раньше времени. Нильс слушал вполуха, пока в сказке не появился мост.

В середине страницы я замолчала.

Я представила, как буду сидеть в чужой гостиной и смотреть на часы, потому что в четыре должна закончиться моя возможность обнять их. Представила, как Ясна собирает детские вещи, а я объясняю Асте, почему она не может взять все три любимых одеяла.

— Мама, дальше.

— Сейчас.

Я провела ладонью по дочериным волосам и дочитала.

Дети отправились отдыхать. Нильс еще побубнил из своей кровати о том, что днем спят только маленькие, но вскоре затих. Аста попросила оставить дверь приоткрытой.

Ясна вышла на кухню. Я положила перед ней письмо.

Она прочитала его стоя.

— Когда он решил?

— Видимо, до того, как написал мне.

Она взяла второй лист, пробежала глазами строки и села.

— Нильс в два обычно еще спит.

— Я знаю.

— И занятия речью после завтрака... Он же не будет сидеть час.

— Ясна, это не о занятиях.

Она подняла на меня глаза.

— Понимаю.

Я оперлась локтями на стол.

— Часть меня хочет разорвать все это и передать с посыльным обратно. А другая думает, что там просторнее, есть сад, учителя. Я не могу предложить им то же самое.

— Вы можете спросить, чего именно он хочет.

— В письме написано.

— Там написано, как он представляет дело. Спросите прямо.

Ясна сложила листы.

— Дарне будете писать?

— После встречи. Я не хочу снова начинать с поверенных.

— Можно узнать правила, не начиная ссору.

Она была права. Но я слишком хорошо помнила тот месяц после ухода: сколько раз мне приходилось объяснять, что я не пытаюсь присвоить детей, не прячу их и не прошу лишнего. Мне нужны были место, где можно с ними жить, и ясное соглашение, которое никто не станет менять по настроению.

Дом помог. То, что он принадлежал мне до брака, вдруг оказалось важнее всех дорогих украшений, подаренных Орданом. С временной договоренностью родителей и помощью Дарны я уехала на пятый день после того разговора. Еще через несколько недель развод был закончен.

Ясна переехала со мной на первое время, потом сняла комнату неподалеку. Я платила ей, иногда откладывая покупку новой ткани или собственного пальто. Содержание на детей Ордан переводил регулярно. В этом он был аккуратен.

Приходил гораздо реже.

Я могла вспомнить каждую из восьми встреч. Особенно ту, на которой Аста спряталась за мою юбку и он спросил, почему дочь его боится. Я тогда долго подбирала слова, чтобы ответ не прозвучал обвинением.

Последний раз он видел их полгода назад.

— Они его почти не знают, — сказала я.

— Значит, нужно знакомиться.

— Не жить же для этого в другом доме.

— Вот это и скажите.

Я посмотрела на Ясну. У нее возле виска торчала выбив-

шаяся шпилька. На рукаве было маленькое пятно от супа. Мы обе выглядели совсем не так, как женщины, для которых составляют безупречное расписание.

— Вы в понедельник сможете остаться до пяти?

— Смогу. В субботу мне нужно будет уйти пораньше, мы с сестрой договорились.

— Хорошо. Я запишу.

Она встала, поправила шпильку и положила письмо мне в руки.

— Не оставляйте здесь. Нильс спросит, где рисунки.

Я убрала конверт.

Внизу работа продолжалась. Летта распарывала планку на детском платье, Брина примеряла на манекен пальто. Я занялась выкройкой, которую утром отложила ради клиентов.

Не сразу получилось сосредоточиться. Я дважды измерила одну и ту же линию и только после этого заметила, что держу ленту от неверной отметки.

— Дай сюда, — сказала Брина.

— Я сама.

— Ты уже сама. Третий раз.

Я отдала ей ленту и пошла к окну.

Снаружи женщина пыталась протолкнуть тележку мимо выставленных у соседней лавки ящиков. Продавец вышел помочь, убрал один ящик и получил в ответ длинное объяснение, почему надо было сделать это раньше. Через дорогу мальчишки делили яблоко. На карнизе сидели два голубя,

совершенно не заинтересованные ни в семейных фамилиях, ни в расписаниях.

Я постояла, пока дыхание не стало ровнее, и вернулась к столу.

К концу дня удалось навестать почти все. Летту я отпустила первой, Брина задержалась, чтобы записать расход подкладки. Наверху дети уже проснулись и собирали с Ясной какую-то постройку. Я слышала через потолок мерные шаги, потом Нильсов протест и спокойный ответ.

— Завтра Радек придет за упаковкой, — напомнила Брина.

— За камзолом.

— Камзол он унес бы и сегодня. Ему бумага нужна хорошая, чтобы жена не подумала, будто купил по дороге.

— Ему для себя.

— Тем более.

Она завязала на голове платок и подняла корзину.

У двери они с вошедшим мужчиной едва не столкнулись. Он отступил, придержал створку и дал Брине выйти.

— Я поздно? — спросил он.

Мужчина был высокий, темноволосый, с заметной седinou у висков. На шее, выше воротника, виднелся неровный край старого рубца. Левую руку он держал ближе к боку. На правом предплечье висела сложенная куртка.

— Смотря что вам нужно, — ответила я.

Он посмотрел на полупустой стол, на закрытую коробку

с мелом.

— Договориться о времени.

— Тогда не поздно.

Я раскрыла тетрадь заказов.

— Переделка?

— Если это возможно.

Он положил куртку на стол. Хорошая плотная ткань, аккуратная работа, крепкие застёжки. Вещь была почти новой.

— Что не устраивает?

— Все, что происходит, когда я поднимаю руку.

— Наденете?

Он помедлил.

— Сейчас?

— Я посмотрю, смогу ли помочь. Полная примерка будет в другой день.

Мужчина снял свободное пальто. Двигался осторожно, не стараясь скрыть ограничение, но и не демонстрируя его. Сначала продел левую руку в рукав куртки, потом правую.

Мне сразу стало понятно, где возникала проблема. Левое плечо сидело иначе, ткань натягивалась ближе к спине, а ворот уводило в сторону.

— Поднимите руку только настолько, насколько удобно.

Он поднял.

— Вот это еще удобно, — сказал он. — Дальше уже нет.

— В старом пальто лучше?

— В старом пальто я выгляжу человеком, который проиг-

рал спор о собственном размере.

Я улыбнулась.

— Но двигаться можете?

— Могу.

— Принесите его на примерку тоже.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Вы собираетесь сделать новое таким же большим?

— Нет. Хочу увидеть, за счет чего оно дает вам двигаться.

Можно я поправлю шов сзади?

Он кивнул.

Я коснулась ткани, осторожно потянула ее, освобождая плечо. Мужчина чуть повернул голову, ожидая, что я скажу о рубце. Я ничего не сказала. Рубец не требовал от меня оценки.

— Так лучше?

Он повторил движение.

— Да.

— Значит, есть с чем работать. Но обещать, что хватит ткани, пока не буду. Возможно, понадобится вставка или придется шить другую вещь.

— Другой портной предлагал затянуть здесь.

Он указал на бок.

— Чтобы складки ушли, — сказала я.

— Именно.

— Складки уйдут. Руку поднимать станет еще труднее.

Мужчина хмыкнул.

— Он говорил, что я неправильно стою.

— На примерке мы все иногда неправильно стоим. Потом вы выходите из ателье и продолжаете так жить.

Он наконец улыбнулся. Улыбка изменила его лицо сильнее, чем я ожидала. До этого он казался усталым и настороженным, теперь — просто человеком, которому стало немного легче.

— Когда можно прийти?

Я просмотрела тетрадь.

— Во вторник на следующей неделе. В десять. Заложите около часа.

— Хорошо.

— Ваше имя?

— Рован Эст.

Я записала.

— Севрина Нерис, — представилась я.

— Я прочитал на двери.

Он произнес мою фамилию правильно, без паузы и вопроса, не была ли я когда-то другой женщиной.

Мне почему-то понравилось это больше, чем следовало.

Сверху раздался грохот. Я вскинула голову. Почти сразу послышался голос Ясны:

— Все целы. Стул.

Я выдохнула.

Рован не стал спрашивать.

— Тогда во вторник, — сказал он, снимая куртку.

— Принесите обе вещи. И, пожалуйста, рубашку, в которой обычно работаете.

— Хорошо.

Он аккуратно сложил одежду и надел пальто. У двери задержался.

— Вам рассказали о моем плече?

— Кто?

— Меня к вам направил Радек.

Я покачала головой.

— Он рассказывал о кармане для подарка жене.

Рован посмотрел на меня, потом коротко кивнул.

— До вторника.

Я закрыла за ним дверь и перевернула дощечку с часами приема.

Наверху стул уже стоял на месте. Нильс объяснял Ясне, что это была пристань и она не должна была падать. Аста собирала кубики в коробку, сердито обходя брата.

Я остановилась на пороге. Ясна посмотрела на меня.

— Не ушиблись, — сказала она. — Но пристани сегодня больше не будет.

— Завтра? — спросил Нильс.

— Завтра посмотрим.

Я присела рядом с Астой и помогла поднять длинный синий кубик.

Позднее, когда Ясна ушла и дети уснули, я снова достала письмо. Прочитала его за кухонным столом, уже без той

первой беспомощной злости.

Ордан мог желать чего угодно. Я должна была узнать, что он намерен делать, и ответить.

В тетради домашних расходов я записала новые башмаки для Нильса, время встречи в понедельник и ранний уход Ясны в субботу. Подумала немного и добавила: «Написать Дарне».

Потом положила письмо в нижний ящик, где хранилось наше соглашение о детях.

Из детской донеслось сонное:

— Мама?

Я пошла к Асте. Она не проснулась как следует, только искала рукой край одеяла.

Я укрыла ее, убрала с подушки мягкую тряпичную лису и села на минуту рядом. Нильс спал на животе, высунув босую ногу.

В моем доме не было отдельного сада и наставника по красивой речи. Зато я знала, что дочь снова уснет, если немного подержать ее за руку.

Я посидела, пока ее пальцы не разжались, и только тогда вышла.

Глава 2. По вашей мерке

В понедельник я трижды проверила застежку сумки, прежде чем выйти из дома.

Внутри лежали копия соглашения о детях, письмо Ордана и чистый платок. Я могла бы обойтись без платка, но Ясна сама положила его сверху.

— До пяти мы договорились, — напомнила она.

— Помню.

— Значит, идите. На обратном пути не надо забирать белье, я утром получила.

Я кивнула и все равно задержалась на пороге.

Нильс сидел на полу в новых башмаках. Купленные в субботу, они еще не успели пострадать от его представлений о кораблестроении. Аста устраивала лису на маленьком стуле. Увидев меня, подняла голову.

— Ты за тканью?

— Сегодня по другому делу.

— Скоро?

— Вернусь к ужину.

Она согласилась и снова занялась лисой.

По дороге я думала о том, что могла ответить ей прямо: иду разговаривать с вашим отцом. Но тогда пришлось бы объяснять, почему их не беру, а потом отвечать на другие вопросы. Пока я не знала достаточно, чтобы давать детям

обещания.

Контора Ордана находилась возле торговой площади, в трехэтажном доме с широкими окнами. В первый год нашего брака я иногда приезжала сюда к концу дня, и мы возвращались домой вместе. Секретарь узнавал меня еще на лестнице и сразу вел наверх.

Теперь за столом сидел другой человек.

— К господину Лаэру, — сказала я. — На два часа.

— Ваше имя?

— Севрина Нерис.

Он посмотрел в запись, потом снова на меня.

— Прошу подождать.

Я села на скамью под окном. Передо мной лежал журнал с рисунком нового морского крана на обложке. Я раскрыла его на случайной странице, прочитала три строки и закрыла.

Ордан вышел сам. Увидев меня, коротко кивнул.

— Заходи.

Кабинет почти не изменился. Исчезло кресло с протертой ручкой, которым я когда-то любила пользоваться. Вместо него стояли два одинаковых прямых стула. На столе была серебряная рамка, повернутая к хозяину.

Я не стала наклоняться, чтобы рассмотреть.

— Благодарю, что пришла, — сказал Ордан.

— Ты подтвердил время.

— Я имею в виду, что мы можем спокойно поговорить.

Он указал на стул, сам сел напротив. За окном разгружали

повозку, и сквозь закрытое стекло доносились глухие удары.

— Чаю?

— Нет, спасибо.

Мой отказ его немного удивил. Я положила сумку на колени.

— Что происходит после шести недель?

Он не ответил сразу.

— Ты даже не спросила о приготовлениях.

— Я прочтала. Комнаты, наставники, часы посещений. Что потом?

Ордан сцепил пальцы.

— Мы посмотрим, как дети устроились.

— А если хорошо?

— Надеюсь, ты сумеешь оценить преимущества.

Я кивнула, чтобы не перебить его раньше времени.

— Ты хочешь, чтобы они остались.

— Севрина, им пора постепенно входить в жизнь семьи.

Нельзя до бесконечности...

— Они живут в семье.

Он чуть наклонил голову.

— Я говорю о доме Лаэр.

Я достала письмо и положила на край стола.

— Тогда называй вещи точно. Ты предлагаешь изменить постоянное проживание детей.

— Я предлагаю попробовать лучший для них порядок.

— Сначала перевезти, а потом обсуждать, возвращать ли?

— Ты предполагаешь худшее.

— Я уточняю.

Ордан отодвинул письмо. На мгновение мне показалось, что он собирается убрать его в ящик, словно это его бумага, которую я случайно принесла обратно. Но он оставил конверт на столе.

— Послушай. У меня есть возможности дать им хорошее образование. Отдельные комнаты. Сад. Людей, которые будут заниматься только ими.

— У них есть человек, который занимается ими. Ясна.

— Одна женщина на двоих.

— В течение части дня. В остальное время я.

— И одновременно ты работаешь.

Я почувствовала, как хочется оправдаться. Перечислить часы, доказать, что никто не забыт, рассказать, сколько раз я поднимаюсь наверх. Но такой разговор легко превратился бы в отчет о каждом моем дне.

— Да. Я работаю. Как и ты.

— Мое дело обеспечивает их будущее.

— Мое — наш сегодняшний день.

Он отвел взгляд к окну. Я видела, что ответ ему не понравился.

— Не нужно делать вид, будто я не плачу.

— Я этого не говорю. Деньги приходят вовремя. Они расходуются на детей. Я благодарна, что здесь нам не приходится спорить.

Ордан немного расслабился.

— Значит, ты понимаешь, что я не враг.

— Понимаю, что ты их отец. Поэтому готова обсудить встречи и занятия. Но не переезд через десять дней.

Он постучал пальцем по подлокотнику.

— Они уже не младенцы.

— Поэтому им можно объяснить, куда они идут, познакомиться с людьми, дать привыкнуть.

— Ты можешь приехать с ними. На первое время.

Я посмотрела на него.

— Куда приехать?

— В главный дом.

— И где жить?

— Во флигеле есть подходящие комнаты.

Мне пришлось медленно выдохнуть.

Ордан заметил. Его лицо стало настороженным.

— Я сказал что-то обидное?

— Ты предлагаешь мне тот же порядок, от которого я отказалась четыре года назад.

— Обстоятельства изменились.

— Комнаты остались.

Он провел ладонью по столу, выравнивая лежавшую рядом папку.

— Тебе тогда было тяжело. Ты воспринимала все слишком остро.

Я услышала в памяти свой прежний голос: просьбу по-

мочь вечером, вопрос, почему он почти не приходит в детскую. Столько раз я возвращалась к тому разговору, что знала, где могла ответить лучше. Только лучший ответ все равно не сделал бы меня нужной ему женой.

— Мне было тяжело, — согласилась я. — И я понимала, что ты предлагаешь.

— Сейчас речь о детях.

— Я не забываю.

Мы замолчали.

Раньше в таких паузах я начинала объяснять, что не хочу ссоры. Сейчас промолчала дольше него.

— Ирсена понимает, что у меня есть наследники, — сказал он наконец. — Никакой неприязни к ним с ее стороны не будет.

— Я с ней не знакома.

— Это можно устроить.

— Хорошо. Вместе с детьми, когда будет подходящее время. Но знакомства недостаточно, чтобы поселить их в доме.

— Тебя задевает, что я женюсь?

Вопрос прозвучал почти с облегчением. Видимо, эту причину моего отказа ему было бы проще принять.

Я посмотрела на серебряную рамку. В ней, вероятно, была Ирсена. Или его мать. Или схема нового причала. Я больше не знала, что он предпочитает держать возле себя.

— Нет, Ордан. Меня задевает расписание, в котором я могу видеть детей с двух до четырех.

— Его составил управляющий.

— По твоему поручению.

Он ничего не ответил.

— Нильс в это время часто спит, — продолжила я. — А если не спит, становится к вечеру упрямым и плачет из-за того, что башмак не на той ноге. Асте нужно время, чтобы привыкнуть к чужим людям. Она может молчать, даже когда ей очень плохо. Ты знаешь, как она просит пить у незнакомого взрослого?

— Ты решила проверить меня?

— Я хочу, чтобы ты понимал, кого собираешься поселить у себя.

— Она скажет, если захочет пить.

— Не всегда. Иногда просто будет стоять возле чашки и ждать.

Ордан посмотрел на меня так, будто я придумывала сложность там, где ее не было.

— Для этого и существуют воспитатели.

— Им тоже нужно знать детей.

— Узнают.

Я разжала пальцы на ремешке сумки.

— Тогда начнем со встреч. Ты давно не видел их. Можно приехать к нам или погулять вместе. Потом они смогут провести несколько часов в твоём доме с Ясной.

— В ателье?

— Наверху у нас квартира. Ты был там.

— Один раз.

— Да.

Он понял, как это прозвучало, и нахмурился.

— У меня достаточно работы, Севрина.

— Я знаю.

— Ты говоришь так, словно я добровольно...

Он остановился.

Я не стала помогать ему заканчивать.

За окном снова ударили чем-то тяжелым. Ордан поднялся, подошел к стеклу и посмотрел вниз. Я воспользовалась паузой, чтобы выпить воды из стоявшего на столе графина. Рука слегка дрожала. Мне хотелось закончить разговор, но не ценой согласия.

— Я надеялся, мы решим это без посторонних, — сказал он, повернувшись.

— Мы можем. Согласуем встречи.

— Ты предлагаешь мне оставаться посетителем.

— Я предлагаю тебе стать знакомым человеком для собственных детей.

Он выпрямился.

Я поняла, что сказала резче, чем намеревалась. Но отказываться от смысла не стала.

— Если понадобится, я обращусь в Палату семейных дел.

У меня похолодели ладони.

Он увидел это. Не знаю, обрадовался ли. Его лицо осталось спокойным.

— Ты вправе обратиться, — сказала я. — Наше соглашение пока действует.

— Ты уже говорила с поверенной?

— Мне не нужно говорить с поверенной, чтобы помнить, где живут мои дети.

Я поднялась.

— Я не согласна на переезд. Встречи готова обсуждать. Пришли, пожалуйста, дни, когда ты действительно сможешь уделить им время.

— Севрина, сядь.

— Мне пора обратно.

— Мы не договорили.

Я посмотрела на часы.

— Мы говорим почти час. Ты объяснил, чего хочешь. Я ответила.

Ордан подошел к столу и взял письмо. На мгновение мне показалось, что он подаст его мне. Вместо этого положил сверху на свою папку.

— Подумай о возможностях, которые они теряют.

Я застегнула сумку.

— Подумай о том, что они потеряют при переезде.

В коридоре секретарь встал, когда я вышла. Я кивнула ему, спустилась по лестнице и только на улице позволила себе остановиться.

Мне не было легко. Я не чувствовала себя победительницей. Я стояла возле дорогой конторы и думала, что Ор-

дан найдет хороших поверенных, умеющих доказывать разумность любых его намерений.

Потом вспомнила, что Нильс ждет меня к ужину.

Я дошла до площади, наняла свободную повозку и попросила отвезти меня в Нижний Ряд.

Брина встретила меня у стола с раскроем.

— Он согласился?

— Нет.

— Ты?

— Тоже нет.

Она кивнула, словно именно этого и ожидала.

— Мать той девочки заходила поблагодарить за платье, которое забрала в пятницу. Сказала, теперь дочь готова спать в нем до праздника.

Я улыбнулась, хотя улыбка получилась усталой.

— Хорошо.

— Наверху чай. Ясна ждала тебя минут через сорок.

Я посмотрела на часы. До пяти оставалось больше часа.

На кухне Нильс показывал Ясне рисунок. На листе была большая синяя полоса и что-то коричневое поверх нее.

— Это мост, — объяснил он мне. — Но лодке можно вникнуть.

— Вижу.

— Ты долго была.

Я присела рядом.

— Да. Скучал?

Он пожал плечами, не желая признавать слишком много.

Аста молча принесла мне свой рисунок. Там было четыре круглых пятна, у каждого по несколько черточек.

— Кто это?

— Мы.

— А четвертый?

— Лиса.

Я прижала ее к себе осторожно, чтобы не смять бумагу.

За ужином они узнали, что я виделась с отцом. Сказала об этом сама, когда мы уже поели.

— Он хочет с вами встретиться.

Нильс сразу спросил:

— На корабле?

— Пока не знаю где. Мы договоримся.

— А подарок?

Я покачала головой.

— Я о подарке не спрашивала.

Аста положила ложку.

— Мы потом домой?

— Конечно.

Она посмотрела на меня внимательно, убедилась, что я не шучу, и продолжила есть.

В тот вечер я написала Дарне. Коротко изложила предложение Ордана, его слова о Палате и попросила назначить встречу. Переписывать письмо несколько раз не пришлось.

Во вторник Рован Эст пришел за пять минут до десяти.

Я как раз убирала с примерочного стола ткань. Дети с Ясной ушли на рынок, Брина считала подкладку в соседней комнате, Летта пришивала пуговицы. После вчерашнего разговора привычная работа казалась особенно нужной.

Рован принес обещанное старое пальто и ту же куртку.

— Рубашка рабочая, — сказал он, прежде чем я успела спросить.

— Хорошо. Проходите.

Он снял пальто, аккуратно повесил его на крючок и оглядел небольшую примерочную. Здесь стояло зеркало, два стула и невысокая подставка. На стене висели ленты разных размеров, возле окна — коробка с образцами.

— На подставку?

— Пока нет. Сначала покажите, что приходится делать на работе.

Рован посмотрел на меня с сомнением.

— Судно сюда не поместится.

— Надеюсь, обойдемся.

Он усмехнулся и надел куртку.

Я попросила его взять со стола деревянный футляр, дотянуться до верхнего крючка, наклониться. При движении ткань снова потянула левое плечо. Он незаметно для непривычного глаза изменил положение корпуса, помогая себе правой стороной.

— Вы всегда так поворачиваетесь?

— Когда больно.

— А без куртки?

Он снял ее. Рубашка сидела свободно, но и в ней плечо двигалось ограниченно.

— Старое повреждение, — сказал Рован.

— Я вижу. Мне нужно понять, какие движения одежда затрудняет дополнительно. За пределами этого я помочь не смогу.

Он посмотрел на меня через зеркало.

— Меня устраивает «дополнительно».

Я попросила разрешения проверить, где рубашка касается шеи, и осторожно провела пальцами по ткани. Рубец уходил вниз под ворот. Кожа возле него была чувствительной: я заметила, как Рован коротко задержал дыхание.

— Здесь неприятно?

— Да. Особенно к вечеру.

Я убрала руку.

— Тогда внутреннюю обтачку сделаем мягче. И край перенесем немного в сторону.

Он кивнул.

Я записала мерки. Рован терпеливо стоял, пока я работала. Только когда я предложила ему сесть, ответил слишком быстро:

— Не нужно.

— Это часть примерки. Вы работаете сидя?

— Иногда.

— Тогда садитесь.

Он посмотрел на стул, потом на меня и сел.

В сидячем положении проблема с боком стала заметнее. Я показала ему в зеркале, как натягивается линия от плеча.

— Если убрать здесь складку, как вам советовали, станет теснее. Нужно дать запас для движения с другой стороны.

— Это будет видно?

— Если знать, куда смотреть. Но я могу обыграть вставку так, чтобы она выглядела частью кроя.

— На обоих плечах?

— Внешне — возможно. По устройству — нет. У вас плечи работают по-разному.

Он некоторое время разглядывал себя.

— Я знаю.

В этих двух словах было столько усталости, что я замолчала.

Мне не хотелось утешать его обещанием, будто никто ничего не заметит. Люди замечали многое. Иногда то, что хотелось бы скрыть, иногда совершенно не то, что действительно мешало.

Я принесла старое пальто и разложила рядом с курткой.

— Здесь вам удобно за счет свободного рукава и мягкого плеча. Мы можем сохранить часть этого решения, не делая новую вещь такой же широкой.

Он провел ладонью по старой ткани.

— Его шили до аварии.

— Переделывали?

— Отпустили, где смогли.

— Хорошо отпустили. Места мало, но нашли.

Рован поднял на меня взгляд.

— Это делала женщина в лечебном доме. По вечерам.

— Она умела.

— Да.

Он больше ничего не добавил. Я не спрашивала, что случилось.

Чтобы проверить форму, я достала кусок недорогого полотна и наметила дополнительную часть плеча. Рован снова надел куртку. Я закрепила пробную вставку поверх, показывая, где появится свобода.

— Не двигайтесь, пока уберу иглу.

Он замер. Я вынула иглу и отступила.

— Теперь попробуйте.

Рован поднял руку. Не высоко, но уже без прежнего поворота всего корпуса.

Он повторил движение и нахмурился.

— Что-то не так?

— Я ждал, что потянет.

— Пока это только проверка. Готовую вещь нужно будет посмотреть еще раз.

— Но так можно сделать?

— Да. Если вас устроит вставка из другой ткани. Точно такого материала у меня нет.

— Покажите варианты.

Мы выбрали темный, почти в тон, но чуть мягче. Я назвала цену и удержалась от привычного желания немедленно объяснить, что большая часть уйдет на работу.

Рован просто кивнул.

— Подходит.

— Половина вперед. Остальное после приемки.

Он достал кошелек.

— Радек сказал, вы сначала пытаетесь отговорить от ненужного.

— Его пришлось отговорить от тяжелой серебряной застежки. Она бы оттягивала ткань.

— Он уверял, что вы лишили его последней возможности выглядеть состоятельным.

— Карман для подарка я ему сохранила.

Рован рассмеялся тихо и неожиданно тепло.

Из соседней комнаты выглянула Летта.

— Госпожа Нерис, темная нитка закончилась. Та, что для...

Она увидела клиента и замолчала.

— В нижней коробке слева, — подсказала я. — Новый моток. Покажи Брине перед тем, как заправлять.

Девушка исчезла.

— У вас часто так? — спросил Рован.

— Что?

— Вы знаете, где лежит каждая нитка.

— Только до того момента, пока кто-нибудь не наведет

порядок.

— Знакомо.

Я записала оплату и отдала ему квитанцию.

— На следующей неделе будет готово к проверке. Я пришлю записку.

— Я бываю в доках почти каждый день. Можно передать в мастерскую Эста и Морина.

— Вы чините суда?

— Да. Иногда выясняю, что именно придется чинить, пока владелец уверяет, что там царапина.

— У нас тоже так. Приносят вещь и говорят: «Только одну строчку». Потом оказывается, что нужно заменить половину.

— И они спрашивают, почему не сегодня.

— Обязательно.

Он улыбнулся снова, и я поймала себя на том, что мне хочется продолжить разговор. Не о куртке. Просто услышать, что он скажет дальше.

Это желание было непривычным.

В последние годы мужчины приходили в мое ателье с одеждой, платили и уходили. Некоторые пытались ухаживать, кто-то делал двусмысленные замечания. Я научилась не оставлять в ответе пространства для недопонимания.

Рован ничего подобного не говорил.

Он сидел на стуле возле окна, внимательно складывал квитанцию, и мне вдруг стало любопытно, как он выглядит

без этой сосредоточенности. В воскресное утро. За обычным столом. Когда никуда не нужно торопиться.

Я опустила глаза в тетрадь, перепроверила время, которое уже записала, и только тогда посмотрела на него.

— Посыльному нужно назвать только мастерскую?

— Да. Любой из наших передаст.

Я кивнула.

Рован забрал старое пальто. Куртку оставил у меня.

— До примерки.

— До примерки.

Когда он ушел, Брина вошла с коробкой пуговиц.

— Нормальный человек.

— Клиент, — сказала я.

— Я не спору.

Она поставила коробку и отошла, оставив меня с дурацким чувством, будто заметила больше, чем я успела понять сама.

После обеда пришла Эльда Брас.

Я знала ее в лицо: строгая женщина с коротко убранными седыми волосами несколько раз приносила переделывать мужнины куртки. Она редко разговаривала дольше необходимого, но всегда проверяла, удобно ли сидит вещь, прежде чем платить.

На этот раз в руках у нее был плотный сверток.

— У вас есть полчаса?

— Есть. Что случилось?

— Хочу показать, на что артель потратила деньги в прошлом году.

Она развязала сверток и выложила на стол рабочую куртку. На спине ткань была целой, зато под рукавом виднелся грубо зашитый разрыв.

— Зацепились?

— Первый раз — может быть. Потом еще пятеро зацепились в том же месте. Все, представьте, одинаково неловкие.

Я подняла куртку.

— На кого шили?

— На среднего работника порта. Человека, которого никто не видел.

Я не удержалась от улыбки.

— Размеры были?

— Были. Только мерили грудь и длину. У нас трое тарнов, двое очень высоких людей, один бывший канатчик с поврежденной рукой. На бумаге все влезли.

Она провела ладонью по разрыву.

— А работать неудобно.

Я посмотрела на Брину. Та подошла, взяла второй рукав и попробовала сложить его иначе.

— Крой узкий. Здесь при каждом движении тянет.

— Вот. Мне нужно восемнадцать вещей на осень. Я не хочу в третий раз слышать, что рабочие неправильно поднимают руки.

Я невольно вспомнила утреннего клиента.

— Почему вы пришли ко мне?

— Видела переделанное пальто мужа. И Радек хвастался камзолом. Он сегодня всем рассказывает, что может обнять жену, не распоров себе спину.

— Похоже, юбилей прошел хорошо.

— Судя по тому, что он торопился домой, да.

Эльда села.

— Но восемнадцать курток — другая работа. Возьметесь?

Я хотела сказать «да» слишком быстро. Пришлось сначала раскрыть тетрадь.

— Какой срок?

Она назвала дату, до которой оставалось примерно семь недель.

— Если договоримся на следующей неделе, шесть недель на изготовление. Материал нужен прочный, но не настолько жесткий, чтобы руки не согнуть.

— Примерки будут обязательны.

— Организую.

— И прежде чем мы сошьем всю партию, несколько человек должны попробовать образцы в движении. Желательно после стирки.

— Сколько?

— Сначала посмотрю людей. Не меньше трех разных фигур.

Эльда кивнула.

Я записала размеры партии и срок, рядом поставила во-

прос о ткани. Брина молча наблюдала. Я знала, что вечером она выскажет все, что думает о нашей загрузке.

— Сегодня цену не назову, — сказала я. — Нужно посчитать материал и часы. И я не смогу отложить все уже принятые заказы.

— Мне не нужно, чтобы вы обманывали других ради меня. Мне нужно, чтобы в назначенный день были куртки.

— Тогда я подготовлю предложение к пятнице.

Она согласилась и оставила старую вещь.

Когда дверь закрылась, Летта выдохнула:

— Восемнадцать.

Брина посмотрела на нее.

— Это не значит, что можно пришивать пуговицы в восемнадцать раз медленнее.

Девушка покраснела и вернулась к работе.

Я перевернула страницу в тетради. Впервые за долгое время предстояло рассчитать заказ, который не состоял из трех переделок и одного нового платья.

Он мог принести хороший доход. Мог занять нас так, что я начну есть стоя и снова перестану замечать, который час.

— Что думаешь? — спросила я Брину.

Она оперлась ладонями о стол.

— Думаю, сначала надо посчитать. Если хватит рук, возьмем. Если не хватит, не надо спасать порт собственной спиной.

Я кивнула.

— Ночами работать не будем.

— Запиши крупно.

Я действительно написала это на полях.

Вечером пришел ответ Дарны. Она могла принять меня в следующий понедельник утром и просила принести соглашение, письмо и, если были, любые новые предложения Ордана.

Я сложила все в отдельную папку.

На кухне Нильс устроил новые башмаки под стулом носками к двери, чтобы утром быстрее надеть. Аста рассматривала маленький обрезок зеленой ткани, который я разрешила ей взять.

— Это для лисы, — сказала она.

— Одеяло?

— Платье.

— Сначала посмотрим, получится ли.

— Получится. Ты умеешь.

Я провела пальцем по ее щеке.

Мне хотелось сохранить эту детскую уверенность, не превращая ее в обещание, что я действительно могу все.

После того как дети уснули, я вернулась вниз и еще раз осмотрела куртку артели. Рядом лежала вещь Рована, с прикрепленной к рукаву запиской о примерке.

Я убрала ее на отдельную полку. Потом разложила старую рабочую куртку на столе, взяла мел и отметила место, где ткань тянула сильнее всего.

На следующей неделе у меня должны были появиться сразу несколько новых задач. Я решила начать с той, которую могла измерить.

Глава 3. Цена большого заказа

Дарна Весс встретила меня с испачканным чернилами пальцем.

— Проходите. Только не ставьте сумку на правый край стола. Утром пролили.

В ее приемной ничего не напоминало кабинет Ордана. У окна стоял горшок с кривоватым лимонным деревцем, на спинке стула сушилась тряпка, полки были заняты бумагами. При этом нужный документ Дарна нашла раньше, чем я успела развязать тесемки своей папки.

— Ваш экземпляр у вас?

Я протянула соглашение.

Она сверила первые страницы, затем прочитала письмо Ордана и его расписание. На строке с посещением матери задержалась, но выражение лица не изменилось.

— Вы согласия не давали?

— Нет. В письменном ответе и при встрече сказала, что переезд не согласован.

— Хорошо. Предлагали встречи?

— Да. Он не хочет быть посетителем.

Дарна сняла очки.

— А раньше приезжал?

Я назвала восемь встреч.

— Есть письма о них?

— Часть. Иногда договаривались через управляющего.

— Сохраните все, что осталось. Не нужно восстанавливать по минутам четыре года. Достаточно понятной истории.

Я провела ладонью по колену, разглаживая юбку.

— Он может выиграть?

Дарна посмотрела на меня прямо.

— Любой человек, который обещает вам сейчас точный исход, обещает лишнее. Я могу объяснить положение. Дети живут у вас по действующему соглашению. Новая свадьба отца его не отменяет.

Я кивнула.

— Чтобы изменить это без вашего согласия, ему придется обосновать, почему перемена отвечает потребностям детей. Размер дома и количество слуг — только часть условий. Стабильный уход важнее красивого списка.

— Он говорит об образовании.

— В четыре года?

Я впервые за утро улыбнулась.

— По его мнению, уже пора.

— Знакомить детей с занятиями можно, не меняя место жительства. Он вправе предложить преподавателя, вы вправе обсуждать расписание. Не все предложения отца следует отвергать только потому, что они от него.

— Я понимаю.

— Уверены?

Я посмотрела на нее. Она ждала.

— Не всегда получается сразу, — призналась я.

Дарна кивнула.

— Вот с этим и придется работать. В Палате важно говорить о детях. То, как он поступил с вами, многое объясняет, но не заменяет разговор о сегодняшнем уходе.

Мне хотелось возразить, что одно невозможно совсем отделить от другого. Но я знала: она не предлагала мне забыть.

Дарна перевернула страницу соглашения.

— Платежи идут?

— Да.

— Дом ваш. Ясна по-прежнему помогает?

— По будням. Иногда отдельно договариваемся на вечер.

— Работа стабильна?

Я рассказала об ателье. О Брине, ученице, постоянных клиентах и новом заказе, который мы еще не подписали.

— Не берите его только ради будущего заседания, — сказала Дарна.

— Я беру ради денег.

Она улыбнулась.

— Это понятная причина. Но если заказ сорвется, вы не перестанете быть матерью, с которой дети четыре года живут в своем доме.

От этих слов у меня вдруг защемило глаза. Я опустила взгляд на папку.

— В соглашении написано: до семи лет, — сказала я. — Потом Ордан сможет просто забрать их?

— Нет. Это срок, к которому родители должны пересмотреть договоренность с учетом возраста детей. Не назначенная дата переезда к отцу. Если не договоритесь, снова потребуется решение Палаты. А новое решение, если дело дойдет до него сейчас, определит порядок на будущее.

Я провела пальцем по краю листа. Четыре года назад Дарна уже объясняла мне этот пункт. Тогда я боялась ближайшей ночи и едва могла представить, какими станут дети через несколько лет. Сейчас хотелось услышать еще раз, что за цифрой не скрывается потеря дома.

— Сколько будет стоить ваше участие?

Дарна назвала цену первоначальной работы и объяснила, за что потребуются дополнительные платежи, если дело дойдет до полноценного рассмотрения. Я записала. Сумма была неприятной, но не разорительной.

— Сейчас нужно что-нибудь подавать?

— Пока нет. Пришлете официальное уведомление, если оно придет. А для встречи детей с отцом согласуйте время возвращения, сопровождение и место. Письменно. Простым письмом, без объявления войны.

Она пододвинула мне документы.

— И еще, Севрина. Не спрашивайте детей, где они хотят жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.